в послеклассическую эпоху; сама эта формула выражала литературное мировоззрение буржуазного индивидуализма. Разоблачение зависимости зазвучало укором. Напротив, Опиц ставит себе в заслугу подражание Ронсару. Ζῆλος ὁμηρικός «рвение вслед за Гомером» латинских эпиков становится с XVI в. общим явлением «последования». Кантемир «последует» Буало, Ломоносов Малербу, Третьяковский Буало (как автору Намюрской оды), Ротру Корнелю, Сумароков Расину, и все вместе античности (или, вернее, тому, чем им античность представляется). Конечно, и это литературное мировоззрение никогда не было осуществлено бесспорным образом; всегда были (даже во Франции XVII в.) противоположные тенденции, в атмосфере которых «присвоение» понималось как непохвальное дело. «Химически чистый» классицизм такая же нереальность, как «химически чистая» общественная формация. Но типическим для всей будущей школы образом Плеяда ставила себе в заслугу «ограбление» (pillage) древних. Обвинения в плагиате, в эпоху классицизма являются зародышевой формой более поздних литературных взглядов, которые сложатся в систему на почве иной общественной формации. В гипотетическом (никогда нереализованном) пределе, абсолютизм создал фикцию единой литературы на разных языках, а не гипотетически, приблизился к этому идеалу настолько, что литературное единство Европы («польский Ронсар»: Кохановский, «датский Мольер»: Гольберг, «русский Расин»: Сумароков, и т. д.) было относительно осуществлено.

3. На почве замедленного общественного развития, кажущейся окончательности существующих форм (сословия, абсолютизм, церковь и т. д.) сложилась 1) тенденция к монументальным литературным жанрам, которые должны были быть таким же κτῆμα ἐς ἀεὶ («зданием навеки»), какими казались социальные установления эпохи, 2) представление о единоспасающем, единственном «правильном» литературном пути, все уклонения от которого объясняются «гофическим варварством», незнанием «истинных» законов поэзии, 3) инерция формы, в особенности, жанровой формы. Арсенал сложившихся жанров, тем (консолидировавшихся для каждого жанра), образов (закрепившихся за темой) и даже готовых словосочетаний переходит из страны в страну (с Запада на Восток, от Италии XVI до России XVIII в.), от поэта к поэту. Субъективная иллюзия каждого сводится к представлению о тождестве его дела с делом предшественника или